

июня 1999 г., с изм. и доп. по состоянию на 27 дек. 1999 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2000. — № 4. — 2/119.

10. Международное частное право: сб. документов / сост. К.А. Бекашев, А.Г. Ходаков. — М.: БЕК, 1997.

11. *Pazdan, M.* Prawo prywatne międzynarodowe / M. Pazdan. — Wydanie IX uaktualnione. — Warszawa: Lexis Nexis, 2005.

12. *Kessedjian, C.* La modélisation procedural / C. Kessedjian // La mondialisation du droit. Travaux du Centre de recherche sur le droit des marches et des investissements internationaux CRED IMI. — Dijon, 2000. — P. 237–238.

Статья поступила в редакцию 23.12.2013 г.

Ю.И. Ковалевская

кандидат юридических наук, доцент

БГЭУ (Минск)

КОДИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БССР: ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

В статье на основе изучения процесса разработки советских кодификационных актов гражданского законодательства, в том числе и Гражданского кодекса БССР 1964 г., освещаются проблемные аспекты юридической техники нормотворческого процесса, которые не утрачивают своего актуального звучания и сегодня. Автором вводятся в научный оборот новые сведения о разработке проекта ГК БССР 1964 г., приводятся пути разрешения некоторых дискуссионных моментов, делается вывод о целесообразности учета накопленного опыта при проведении современных кодификаций в Беларуси.

Based on studying the process of development of the soviet codification acts of civil law, including the Civil code of the BSSR 1964, the problematic aspects of the legal machinery of the law-making process, which does not lose its actuality until today are highlights in the article. The author of the article introduces the new information on the development of the draft civil code of the BSSR 1964, the ways of settlement of some disputable issues are shown, the conclusion about expediency of accumulated experience during the modern codification in Belarus are made.

Английский исследователь права Л. Фуллер отмечал, что «туманное и бессвязное законодательство может сделать законность недостижимой для кого бы то ни было или, по крайней мере, недостижимой без правомочного пересмотра, который сам по себе наносит ущерб законности» [1, с. 81]. Эта же проблема, обозначенная известным цивилистом И.А. Покровским как проблема «определенности права», и связанная с ней тенденция «иметь право ясное, точное, сформулированное в едином компактном кодексе» уже в первые годы советской власти оказалась крайне насущной [2, с. 90]. Вопросы юридической техники при формировании советской правовой системы, создании первых законов достаточно активно обсуждались начиная с 20-х гг. XX в., что во многом было связано с бессистемностью правотворческого процесса того времени, а также с логическими, языковыми, стилистическими дефектами нормативных правовых актов [3, с. 287; 4–7]. Эти суждения относятся и к области гражданско-правового регулирования. Так, характеризуя Гражданский кодекс БССР 1923 г. и его последующие издания (1927 и 1932 гг.), М. Гредингер отмечал несовершенство

терминологии, нумерации статей, ошибки печати, неясность нормативных предписаний и другие юридико-технические дефекты [8, 9]. Все это, наряду с недостаточной профессиональной подготовкой практических работников, судей, безусловно, не способствовало единообразному пониманию и применению норм гражданского законодательства [10, с. 41].

Тем не менее, по мнению Д.А. Керимова, если в первые годы советской власти проблемы юридической техники находили отражение в нормативных правовых актах конца 20-х гг. XX в., то в последующие годы эти вопросы попадают в разряд «формальных» [11, с. 56]. Признавая важность юридической техники при проведении кодификации, Х. Бахчисарайцев отмечал явную недостаточность внимания этим вопросам со стороны юридической науки [12, с. 35]. Схожую оценку разработанности вопросов юридической техники в СССР давал И.Л. Брауде [13, с. 52].

К моменту проведения кодификации 60-х гг. XX в. вопросы юридической техники не подвергались всестороннему научному исследованию как в целом в СССР, так и в БССР. Это отразилось на качестве нормативных правовых актов, которые не всегда отвечали требованиям ясности, определенности и другим юридико-техническим критериям [14, с. 16]. Большинство юридико-технических приемов и навыков основывалось либо на предыдущем нормотворческом опыте, либо вырабатывалось уже в ходе создания кодификационных актов. Однако даже такой эмпирический опыт позволил создателям ГК БССР 1964 г. преодолеть многие из юридико-технических несовершенств ранее действовавшего ГК БССР 1923 г.

Прежде всего это касается внешних характеристик статей, языковых, терминологических особенностей ГК БССР 1964 г. В частности, разработчики отказались от включения такого элемента статьи, как примечание, которым изобилует ГК БССР 1923 г. Включение в него примечаний преследовало разрешение различных задач: разъяснение отдельных терминов; введение исключений из общего правила; обозначение неблагоприятных последствий при невыполнении условий, содержащихся в статьях, к которым относились примечания; указание на отсылки к специальному законодательству.

Известный советский ученый О.С. Иоффе нецелесообразность сохранения примечаний объяснял тем, что в большинстве случаев в них содержались нормы, имеющие определенное юридическое значение, место которых — в основном тексте статей, а отсылки к специальному законодательству, в целях сокращения законодательного текста было предложено заменить оговорками типа «если иное не предусмотрено законом» [15, с. 26]. Таким образом, содержание примечаний при необходимости включалось в основной текст статей Гражданского кодекса. Например, примечание 1 к ст. 143 ГК БССР 1923 г. содержало норму об условиях одновременного взыскания убытков и неустойки, которая была включена в измененном виде в ч. 2 ст. 212 ГК 1964 г.; нормы о доверенностях, приравненных к нотариально удостоверенным, закрепленные в примечании 1 к ст. 274 ГК БССР 1923 г., составили ч. 3 ст. 67 ГК 1964 г. [16, 17].

В отличие от ГК БССР 1923 г., каждая статья ГК БССР 1964 г. была снабжена заголовком, который отражал содержание статьи. Такой прием существенно облегчал пользование Кодексом, а также обеспечивал правильное понимание смысла и пределов действия нормативных предписаний [15, с. 28]. Работа над заголовками была тесно связана с избранием структуры самих статей (необходимо было решить вопрос о том, ограничивать ли объем статей одной, двумя или несколькими частями). В частности, в одном из проектов ГК 1964 г. общее правило об образовании и правоспособности юридического лица были помещены в одной статье. Однако по предложению белорусского ученого-цивилиста В.Ф. Чигира эти вопросы было решено изложить в двух отдельных статьях под заголовками «образование юридического лица» и «правоспособность юридического лица» [18, л. 189]. Такое решение отвечало правилам законодательной техники, поскольку речь шла о двух различных аспектах, хотя и отно-

сящихся к общему институту юридического лица.

Существенные изменения претерпела форма статей, содержащих перечни определенных случаев, условий и т.п. Если в ГК БССР 1923 г. были приняты буквенные (иногда насчитывающие более десяти букв алфавита, как например, ст. 73, 361 и др.) и числовые обозначения (ст. 121, 422 и др.) отдельных составляющих того или иного списка [17], то в ГК БССР 1964 г. буквенные обозначения уже не употребляются. Перечни либо снабжаются числовыми обозначениями (ст. 8, 71, 74 и др.), либо вообще представляют собой нумерованные списки (ст. 2, 4, 84 и др.) [16]. Такой прием в большей степени обеспечивал единообразие в представлении материала был более удобным в практическом использовании Кодекса.

Еще одной важной проблемой законодательной техники, тесно связанной с содержательной стороной ГК БССР 1964 г., являлись отсылочные (ссылочные) и бланкетные нормы, позволившие избежать громоздкости нормативного правового акта, повторений норм в различных статьях, а также не включать в Кодекс подверженные быстрому изменению, нестабильные нормы. Так, около 125 статей ГК БССР 1964 г. содержат «чистые» отсылочные нормы, которые позволяют обратиться непосредственно к содержанию статьи Кодекса (ее части) для уяснения целостной картины гражданско-правового регулирования того или иного вопроса. В качестве примеров таких норм можно привести положения ч. 2 ст. 50, ч. 2 ст. 117, 151 и многие другие [16]. Кроме того, еще 11 статей Кодекса (ст. 130, 186, 235, 249, 283, 286, 289, 335, 407, 448, 469) содержат «отсылки, осуществляемые при помощи специального установления аналогии закона» [15, с. 30]. Например, согласно ч. 4 ст. 130 ГК, к правовым отношениям, связанным с правом совместной собственности единоличного крестьянского двора, должны были применяться правила статей, регулирующих правоотношения, вытекающие из права собственности колхозного двора; к договору мены (ч. 2 ст. 249) — определенные в Кодексе статьи, регулирующие куплю-продажу. Такой подход позволил избежать дублирования одних и тех же положений, а значит — сделать закон более компактным. Однако, как справедливо отмечал О.С. Иоффе, для правильного понимания таких норм требуется учет специфики содержания того или иного института [15, с. 31]. Представляется, что еще более затрудняющими пользование Кодексом являются такие приемы, как включение в статьи нескольких отсылочных норм или же «двойные отсылки». В качестве примера можно привести ст. 288 ГК «Предоставление служебных жилых помещений и общежитий», в ч. 3 которой содержится указание на то, что «к пользованию жилыми помещениями не применяются правила ст. 287, 294, 299–303, 308, 310–315, 317 и 318 настоящего Кодекса», т.е. определенные статьи главы о найме жилого помещения. В то же время в ст. 286 устанавливалась аналогия закона: к договору найма жилого помещения могут применяться определенные статьи, регулирующие правоотношения по договору имущественного найма (ст. 271–274, 276, 279 ГК) [16]. Очевидно, что и без того непростой прием установления аналогии закона для данного исключительного случая предоставления служебных жилых помещений усложнен еще и запретом на применение правил целого перечня статей.

ГК БССР 1964 г. кроме статей, содержащих отсылку к другим статьям этого Кодекса, включал огромное количество бланкетных норм (более 150), обращаясь к положениям иных нормативных правовых актов, как существующих, так и еще не принятых к моменту вступления Кодекса в силу. Варианты таких отсылок были разнообразны. Во-первых, это общая ссылка «на закон» (ст. 164, 166, 194 и др.); во-вторых, правило о регулировании отношений законодательством СССР (ст. 30, 74, 84 и др.), законодательством Союза ССР и БССР (ст. 25, 214, 480 и др.), законодательством БССР или конкретным нормативным правовым актом (например, Гражданским процессуальным кодексом БССР) (ст. 92, 98, 107 и др.); в-третьих, указание на

возможность установления специальных правил Советом Министров БССР либо Советом Министров СССР или БССР (ст. 242, 243, 256 и др.). В большинстве случаев наличие такого количества отсылок можно объяснить необходимостью конкретизации тех или иных положений ГК в специальном законодательстве либо же важностью иллюстрации связи гражданско-правовых норм с нормами иных отраслей, в частности — гражданского процессуального права. Кроме того, разработчики проекта учитывали правила разграничения компетенции Союза ССР и Белорусской ССР.

Следует отметить, что еще на стадии работы над проектом ГК БССР 1964 г. высказывались предложения уменьшить число отсылок к другим статьям данного Кодекса, к союзному и республиканскому законодательству [18, л. 183]. Однако проведенное исследование показало, что в среднем каждая вторая статья Кодекса содержит либо отсылочную, либо бланкетную норму. Это не могло не затруднять обращение к тексту Кодекса даже профессиональных юристов, особенно если учесть отсутствие в то время компьютерных информационно-правовых систем [13, с. 59]. Данный негативный опыт должен быть учтен белорусскими законодателями при создании современных кодификационных актов. Сокращение норм непрямого изложения нормативного материала будет способствовать не только улучшению качества нормативных правовых актов, но и усиливать регулируемую роль центральных отраслевых актов — кодексов.

Как уже указывалось, ГК 1964 г. был рассчитан на период «развернутого строительства коммунистического общества». Отмеченный период коренным образом отличался от условий новой экономической политики, в которых в 20-е гг. принимались первые советские гражданские кодексы. Эта разница не могла не повлиять на терминологию, язык изложения ГК БССР 1964 г. В нем уже не встречаются термины «частная собственность», «акционерное общество», «товарищество на вере», «концессия», «экспроприация» и иные термины, не вписывающиеся в концепцию советского гражданского права. В Кодексе находят отражение новые юридические термины и конструкции: «социалистическая собственность», «личная собственность», «государственная закупка сельскохозяйственной продукции у колхозов и совхозов», «обязательства, возникающие вследствие спасения социалистического имущества» и др. О.С. Иоффе, анализируя положения ГК РСФСР 1964 г., отмечал, что из него были исключены устаревшие понятия, канцелярские обороты, присутствовавшие в ГК РСФСР 1922 г., обновлена терминология. Кроме того, для большей ясности положений Кодекса разработчики стремились минимизировать употребление специальной терминологии, а в случае необходимости — приводить в тексте разъяснения [15, с. 35]. Такую же большую работу проделали создатели ГК БССР 1964 г. Это видно из протоколов заседаний Юридической комиссии при Совете Министров БССР, в ходе которых много внимания уделялось вопросам улучшения редакции статей проекта Кодекса. Например, было предложено не включать термин «положительный ущерб», а ограничиться характеристикой «расходы, утрата или повреждение имущества», понятие «малолетние» было заменено на «несовершеннолетние, не достигшие 15 лет» [18, л. 193; 19, л. 60, 63; 20, л. 144].

Как отмечал В.Ю. Туранин, «логически выстроенный терминологический аппарат нормативного акта способствует достижению устойчивости, определенности и лаконичности законодательного текста» [21, с. 131]. Вместе с тем содержание некоторых использованных в Кодексе терминов (мелкие бытовые сделки (ст. 13), экономичность (ст. 193) и др.) целесообразнее было бы обозначить, по крайней мере, общими рамками, поскольку это позволило бы в большей степени соблюсти такое требование юридической техники, как ясность, определенность закона.

Разработчикам ГК БССР 1964 г. не удалось избежать некоторых достаточно распространенных и в наше время дефектов дефинирования правовых понятий, в частности тавтологии. Так, в ст. 111 ГК «Понятие общей собственности» этот термин был истолкован через употребление все того же понятия «общая собственность». Подобный дефект содержался и в ст. 156, в которой раскрывается понятие обязательства. Определение обязательства в кодификационных актах 60-х гг. было переработано путем закрепления положения об обязанностях должника. Как отмечал О.С. Иоффе, это усовершенствование явилось следствием развития правовой теории [22, с. 55]. Однако такой дефект юридической техники, как тавтология, остался и в ст. 33 Основ гражданского законодательства, и в ст. 156 ГК БССР, раскрывающих понятие обязательства.

Таким образом, во-первых, анализ юридико-технических особенностей ГК БССР 1964 г., его сравнение с ГК БССР 1923 г. позволяет сделать вывод о более высоком уровне приемов конструирования закона по сравнению с 20-ми гг. XX в., а также об использовании при создании Кодекса последних достижений языкознания. Однако второстепенная роль, которая отводилась в юридической науке советского периода проблемам юридической техники, не позволила в полной мере соблюсти ее важнейшие требования.

Во-вторых, в настоящее время в Республике Беларусь разработан проект Закона о правовых актах, который призван определить важнейшие аспекты нормотворческой деятельности. Вопросы юридической техники в данном проекте не получили достаточного освещения. Вместе с тем анализ лишь некоторых проблем при создании проектов нормативных правовых актов, с которыми столкнулись и советские, и современные разработчики проектов кодификационных актов гражданского законодательства, показал важность и необходимость концептуального их разрешения.

Литература

1. Фуллер, Л.Л. Мораль права / Л.Л. Фуллер; пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИРИСЭН, 2007.
2. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. — М.: Статут, 1998.
3. Санников, С. К пересмотру Гражданского кодекса / С. Санников // Еженедельник совет. юстиции. — 1929. — № 13. — С. 286–287.
4. Волков, П. Каким должен быть язык закона / П. Волков // Совет. юстиция. — 1931. — № 27. — С. 20–21.
5. Жуков, Н. Нужна рационализация законодательства / Н. Жуков // Власть Советов. — 1930. — № 10. — С. 16–17.
6. Ильинский, И. Язык закона / И. Ильинский // Совет. стр.-во. — 1927. — № 8–9. — С. 76–93.
7. Презент, М. Язык законов / М. Презент // Совет. стр.-во. — 1931. — № 4. — С. 139–145.
8. Гражданский кодекс РСФСР: постановление Всерос. центр. исполн. ком., 31 окт. 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. правительства. — 1922. — № 71. — Ст. 904.
9. О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР: постановление Президиума Центр. исполн. ком. БССР, 2 февр. 1923 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. правительства. — 1923. — № 3. — Ст. 29.

10. *Грэдынгер, М.* Да дзесяцігоддзя Грамадзянскага кодэкса ў БССР / М. Грэдынгер. — Менск: Выд-ва Беларускай акадэміі навук, 1933.
11. *Керимов, Д.А.* Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие / Д.А. Керимов. — М.: НОРМА—ИНФРА-М.
12. *Бахчисарайцев, Х.* Гражданские кодексы союзных республик и вопросы кодификации / Х. Бахчисарайцев // Социалист. законность. — 1945. — № 11–12. — С. 31–37.
13. *Брауде, И.Л.* Вопросы законодательной техники / И.Л. Брауде // Совет. гос-во и право. — 1957. — № 8. — С. 52–59.
14. *Тархов, В.А.* Применение Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик / В.А. Тархов // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик: сб. материалов / Саратов. юрид. ин-т. — Саратов, 1971. — С. 15–19.
15. *Иоффе, О.С.* Новый Гражданский кодекс РСФСР / О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965.
16. Гражданский кодекс БССР: принят третьей сессией Верхов. Совета БССР шестого созыва 11 июня 1964 г.: введ. в действие с 1 янв. 1965 г. // Собр. законов, указов Президиума Верхов. Совета БССР. — 1964. — № 17. — Ст. 183. — Приложение.
17. Гражданский кодекс БССР: с изм. и доп. по 10 июня 1927 г. — Минск: БССР, 1927.
18. Замечания и предложения по проекту Гражданского кодекса БССР // Национальный архив Республики Беларусь. — Фонд 7. — Оп. 5. — Д. 1117. — Л. 180–251.
19. Протокол совместного заседания Юридической комиссии при Совете Министров Белорусской ССР и кафедры гражданского права и процесса БГУ, 13 мая 1962 г. // Национальный архив Республики Беларусь. — Фонд 1271. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 57–65.
20. Рекомендации Консультативной группы при Юридическом отделе Президиума Верховного Совета СССР по проекту Гражданского кодекса Белорусской ССР // Национальный архив Республики Беларусь. — Фонд 7. — Оп. 5. — Д. 1117. — Л. 143–179.
21. *Турагин, В.Ю.* За чистоту терминологических рядов! Определяем требования к использованию юридической терминологии в законодательном тексте / В.Ю. Турагин // Право и политика. — 2004. — № 7. — С. 131–137.
22. *Иоффе, О.С.* Избранные труды: в 4 т. / О.С. Иоффе. — СПб.: Пресс, 2004. — Т. 3: Обязательственное право.

Статья поступила в редакцию 26.12.2013 г.

Ю.В. Лазебник
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА НОРМАЛЬНОЕ
ВЕДЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ И ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ГРАЖДАНАМИ СВОИХ ПРАВ**